
Йован Дучич
ТЕНИ НА ВОДЕ

Перевод с сербского Олега Комкова

ЗАХОД СОЛНЦА

Долго пышет небо медью раскалённой,
Окровавив реку; жар зари несносен;
Долго рвётся пламень, гневом распалённый,
Из-за чёрной кромки вековечных сосен.
Где-то в отдалении, у воды незрима,
Мельница забылась в хрипловатом гуле;
Люто страждут своды от огня и дыма,
А кувшинки мирно на волнах уснули.

Вот и снова вечер... И, как прежде, мнится,
Будто там, далёко, за тремя морями,
Где вершин смарагдных блещет вереница,
Под закатной сенью, в первозданном храме —
Венчана тоскою, бледная, как тайна,
Бдит жена всенощно, обо мне мечтая.
Вечна, неизбывна и, как ночь, бескрайна,
Тихой тьмою дышит в ней печаль святая.

Океан у берега искрится, что слёзы,
Стая синих чаек реет, волнам вторя;
Над пустынным садом, где поникли розы,
Песнью снов печальной ветер веет с моря.
В небеса вперивши взор, исполнен хладью,
Два гиганта-Сфинкса замерли на страже;
Незнакомка плачет; а над водной гладью,
Обессилев, солнце прячется за кряжи.

Знаю: ей другие чужаки не любы —
Лишь меня душою зрит, сомкнувши вежды.
О любви верной тихо шепчут губы.
Словно смерть, связует верность без надежды!

Ах, не говорите, будто всё иначе,
Будто бредит сердце ложью обольщения —
Я б зашёлся в плаче, в горьком, вечном плаче
И нигде не видел боле утешенья.

В СУМЕРКАХ

Вновь уводят думы, тяжки и тоскливы,
Вдаль, в пустое поле. Стыло блещут росы.
Над водою мутной горько плачут ивы,
И холодный ветер тербит им косы.
Полумёртвой сенью на закате мреет,
Тихо угасая, бледный дневный пламень.
В небе надо мною ширь немая реет,
Мгла покрыла реку, лес, цветы и камень.

Вот погост у яра. Здесь лежат селяне:
Родичи, соседи — всяк другому ровня;
И стоит поодаль в меркнушем сияньи
Набожно и скорбно ветхая часовня.
На селе потухли огоньки сторожо —
Ночь, уснули доли... Лишь, как призрак млечна,
От села к погосту криво вьётся стёжка,
Чудна, неусыпна, коротка — и вечна.

ЛИСТОПАД

Шла со мною молча: холод полнил вены,
Слёзы не серебрились в помутневшем взоре;
Мертвенно глядели розы и вербены,
Сокрушённый вечер опускался в горе

На седые воды. Словно тень, скользила
Поступью забвенья, тихой и угрюмой.
И одна и та же угнетала сила
Нас бесслёзной мукой и печальной думой.

Тьма недужной ночи осыпала прахом
Старые платаны, водное зеркало;
Два бессонных сердца слушали со страхом
Тишь, где всё так долго, мирно умирало.

И когда сомкнулись в сумраке изгнания
Губы, ледяные от душевной смуты, —
Нам явился тайно ужас осознания:
В каждом поцелуе — смерть одной минуты.

В каждом стуке сердца — чьей-то смерти эхо!
В каждой страсти — бездна чьей-то вечной стыни!
Серой мглы ноябрьской зыблется прореха:
Разве только в Смерти Жизнь осталась ныне.

АККОРДЫ

Лиловой ночью тихо бродят тени;
Сквозь шелест звёзд, мучительно-знакома,
Почудится в немотном запустении
Мне песня сфер над гладью окоёма.

И вновь объемлет небеса и землю
Извечный гул, что слышен издали;
И вновь недвижно, немо, долго внемлю
Я говор вод и шумных листьев речи.

И в языке немолчном разумею
Глас Бытия и каждой вещи шёпот..
Порою тишь наступит, а над нею —
Лишь сердца стук... Но тот же смутный ропот

Проснётся в чаше леса; за ударом
Послышится удар; раздастся ясно
Из чёрного рогозника над яром,
По полю пробежит... И многогласно

Достигнет недр земли! Во тьме страдания,
Как колокол, исполнившийся стона,
Немыслимое сердце мироздания
Забьётся мерно, тихо, монотонно.

ПОЗНАНИЕ

Её познал я в час небесной хмури;
Сады алкали смерти с нетерпеньем,

Шумел осенний дождь предвестьем бури,
И всё в тоске спешило за успеньем.

И молодость моя уже не знала
О страстных днях, чьё пламя так жестоко:
Мне в душу тень её неслышно пала,
Как лунный свет, бледна и холодна.

Был глас её — что музыка печали:
И, внемля, думал я в молчаньи строгом
Лишь о минувшем, об осенней дали,
О холодном небе, о прощальном «с Богом!»

Был поцелуй её покойно-льдыстым,
Как мрамор статуй; а льняные пряди
Унывно пахли тягостным и мглистым
Дыханьем роз в полуотцветшем саде.

И по утрам с тех пор мне часто мнилось,
Как будто сбросил я стальные пути:
Не знаю, что душе в те ночи снилось,
Но взор смеркался, полон слёз и смуты.

ТИШИНА

Позабыт пролесок, сумерками тронут;
Брег покрыли тяжко тишина и травы.
Здесь под вечер воды в тихом горе стонут,
И шумят забвеньем вербы, свесив главы.

Средь ветвей, где мреет празелень густая,
Встретил я Разлуку: вечно молчалива,
У реки застыла, наяву мечтая,
И, бледна, глядится в синеву разлива.

Долго ли — не знаю. Но в немоном доле —
Словно чей-то голос пал из ниоткуда —
Тишина проснётся с тяжким вздохом боли,
И пройдёт по листьям дрожь тоски и худа.

ОДНАЖДЫ В ВЕЧЕРНИХ СУМЕРКАХ

Раздранной тверди хмурилась громада,
И мрак по комнате разлился густо;
К нам доносилась из глухого сада
Лишь музыка дождя. Всё было пусто.

Скиталец-ветер с воем веял где-то
Печальной песней. Бледно умастили
Её лицо шелкóвые отсветы:
То хмурый вечер умирал в бессильи.

Мы были немы — но душой больною,
В молчании, окутавшем округу,
Наедине с холодной тишиною,
Всю повесть сердца молвили друг другу.

И тайных дум зловещие извивы,
И страх пред тем, что всяких мук безвестней...
А хмурый вечер наполнял тоскливо
Нас музыкой дождя и ветра песней.

ТОПОЛИ

Что шумят во мраке тополи так страстно,
Так тревожно, странной дрожью обуяны?
Жёлтый месяц тихо сходит за курганы,
Дальней, чёрной вестью вставшие безгласно;

Этой мёртвой ночью сны упали в воду,
Сумраком застыли на свинцовой глади.
Лишь трепещут шумно тополи в прохладе,
Шепчут, шепчут странно, внемля небосводу.

У воды недвижной я один тоскую,
Из людей последний, преданный забвению.
Тень у ног простёрлась. В эту ночь глухую
Я дрожу, напуган собственной тенью.

ОЖИДАНИЕ

Миг святой, последний в долгой круговерти
К нам придёт однажды тихо попрощаться,
И друг другу скажем: вот и время смерти,
Как обычно молвят: время возвращаться.

В даль пустую взглянем, где, пространство горбя,
Пролегла граница между тьмой и светом,
И в глазах застынут слёзы поздней скорби,
Скорби, что не знали мы на свете этом —

Солнечным ли утром потеряв друг друга
В зелени прибрежной; или мглистой ночью,
В час, как месяц, белый, словно от недуга,
Мертвенную хладность льёт по заволочью.

Этот миг священный в вечной круговерти
Мы устало встретим, чтобы попрощаться,
И тихонько скажем: вот и время смерти,
Как обычно молвят: время возвращаться.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Возвратится снова в пору листопада,
В час, когда заплачут ветры над волнами;
Словно на поминках бледная лампада,
В чёрном одеянии явится пред нами.

Медленную поступь заглушит уныло
Шум осенних ливней. Не узнать, откуда
Пала тень, что мрамор лика омрачила,
Тайну ли скрывает иль вешает чудо.

И душой осенней к нам войдёт с тоскою,
Наполняя дрожью скорбного покоя
Нас, и сад холодный, и немые дали.

А коснётся старых клавиш лёгким взмахом —
Будут звуки чёрны, рассыпаясь прахом
Непроглядной ночи по застывшей зале.

ТОСКА

Небеса пустынно; вечер смотрит серо,
Поздний луч аллею тронул бледной кистью;
В сумерках, нагая, замерла Венера,
Вся в стыде, презревши фиговые листья.

Вечер, чуть касаясь, умастит ей тело
Ароматом розы и росой синей;
Плечи холодный месяц посребрит несмело,
И волосы покроет полуночный иней.

Молча ждёт, нагая; только страстным взглядом
К небесам взывает, и кричит, и молит!
А в глазах воздетых — стыд и жажда рядом,
И нагие перси дрожь тоски неволит.

Тихо, равнодушно ночь проходит мимо,
Дует лёгкий ветер, лунным светом вея;
Спят земля и небо; и для всех незрима
Явь любви древней в мертвенной аллее.

НОЯБРЬ

Простёрся, как свинцовая завеса,
Осенний небосвод, немой и грозный.
Поля пусты; над самой кромкой леса
Сгустился вечер, тусклый и морозный.
Река бледна и бредит, как больная,
Скелеты ив скорбят о ней по склонам.
А в тёмной выси, горестно стеная,
Тоскует ветер над опавшим клёном.
Мороз объял стерню холодной хваткой;
На тропах слякоть и пути размыло.
Смолкая, птицы прячутся украдкой
В умерший лес. Всё стихло; тьма уныла...
Не знаю, отчего печаль мне снится —
О чём жалеть? к чему желать иного? —
И отчего так жажду схорониться
И где-то плакать — снова, снова, снова...

МОРСКАЯ ВЕРБА

Верба одиноко клонится к прибою,
Зелень кос тяжёлых распустивши в море:
То младая нимфа, проклята судьбою,
Обернулась древом и шумит от горя.

Внемлет горной песне, что заря рождает,
Вздохам вод, под вечер ищущих забвенья,
И стоит недвижно там, где всё блуждает:
Облака и ветры, волны и мгновенья.

Морю дарит ветку, ветру — лист на счастье
И шумит, над миром замерев высоко;
А кругом, как в сердце, рвущемся на части,
Жизнь шумит печально... Верба одинока.

ЧАСЫ

День больной и мутный; небо непрозрачно.
Над бесцветной гладью вечер стих в печали.
Час незримый пробил приглушённо, мрачно:
И, поникнув, розы краткий век скончали.

Бьют часы вдругорядь: с тополя слетела
Ветошь мёртвых листьев. Онемели склоны.
Вновь удар чуть слышный: словно дух без тела,
Вниз гнездо сорвалось с опустевшей кроны.

И опять, сокрытый где-то в небе льдинном,
Колокол исторгнет стынувшие звуки,
Наполняя доли трепетом глубинным,
И тоской, и страхом неизбывной муки.

ПОЛНОЧЬ

Ночь. Музейной залы чёрная утроба.
Пред гранитным Марсом, внемля страстной воле,
Тешится вакханка. Молча льёт Ниоба
Мраморные слёзы вековой боли.

Оплетённый змием, выгнулся в натуге
Торс Лаокоона. Под незримым игом
Смолк Эдип на камне... Тишь по всей округе:
Слышно, как проходит робко миг за мигом.

Вдруг с высокой башни глухо и зловеще
Колокол наполнил тьму полночным звоном —
И во мраке холодном, где застыли вещи,
Отозвался долгим, непостижным стоном.

Охватил внезапно залу трепет странный,
И почувал всякий, будто весть пророчью:
Там, во тьме, измучен вековою раной,
Гладиатор юный умер этой ночью.

ПОЧЕМУ?

Как брахман, объятый благочестным страхом,
Урну с пеплом предков прячет осторожно,
Дабы нечестивец не разбил безбожно
И мирские ветры не играли прахом, —

Почему, о Муза, так же мы не спрячем
Сердце с милым пеплом тех, кого любили?
И никто б не ведал, как о них скорбили
Ты — в глухом стенаньи, я — с безмолвным плачем.

Как чиста пред небом и свята бескрайно
Та печаль, что словом никогда не стала —
Лишь слезою тихой на щеке блистала
И на бледном лике проступала тайно.

Разве не счастлива та душа, в которой
Светит мир сокрытый, как в звезде небесной,
Что одна сверкает пред вселенской бездной,
Средь светил несчётных в круговерти спорой?

И сиянье моря, что не знает меры,
Век за веком тонет в мгле необычайной —
Там и жизнь и мука остаются тайной
Для бескрайних далей, где блуждают сферы.

Ах, когда б и книга пребыла невидной,
Словно те надгробья на простых могилах,
Что никто на свете осквернить не в силах
Ни хулой безбожной, ни хвалой бесстыдной!

ПОЭЗИЯ

Мраморно-недвижна, холодом объята,
Тихой бледной девой ты в мечтах уснула.
И пускай женою будет песня чья-то,
Что слышна сквозь толщу уличного гула.

Лентой не украшу твоего убора —
Пусть желтеют розы в заплетённой пряди:
Слишком ты прекрасна для мирского взора,
Слишком горделива, чтоб служить усладе.

Слишком полно сердце затаённой боли,
Чтобы всех утешить в несчастливой доле,
А для праздной славы ты скромна и странна.

Будь же равнодушна, коль девичье тело
Вместо пышных тканей трепетно одела
Мреющая дымка тайны и тумана.

ЗИМНЯЯ ПАСТЕЛЬ

Сельская часовня, сгорбясь, в снег осела,
Зябнет средь кладбища. Небо пусто, бело.
Не повеет ветер по-над лесом старым,
Не всплакнёт печально за крестом, за яром.

Колокол недвижим и молчит уныло,
Весь окоченевший... И давно застыла
Стрелка, указуя тяжкий, будто бремя,
Час, когда однажды умерло и время.

ПОДЕНЬ

На сомлевший остров, мгlistых сосен полон,
Молодое солнце изливает пламя;
И плывёт над лесом и над берегами
Внешний запах моря, синеват и солон.

Лиловеют горы, подпирая своды,
В зыбкой глуби тонут; ровная, без пены,
Шепчет гладь, лаская скал отвесных стены;
Небосвод сияньем согревает воды.

Солнца пыль клубится над омытой глыбой,
И порою чайка искрой серебристой
Вспыхнет над водою. И в лазури чистой
Скалы терпко пахнут вереском и рыбой.

Всё покойно, тихо. И слежу, как в душу
Протянулись моря мирные просторы,
Гуши олеандра, дымчатые горы
И прозрачный отсвет, окаймивший сушу.

Там, в душе, мерцают, молча внемя чуждо,
Берега и рощи; и палит, и реет
Молодое солнце; и волна немеет..
Серебрится чайка. Тишь и полдень всюду.

РИМСКИЙ СОНЕТ

*Гробница у Анпиевой дороги*¹

Спит ещё Цецилья, славная Метелла,
Век во сне минует, и другой начнётся.
Песнь жнеца и птицы с поля долетела,
Но ресниц печальных трепет не коснётся.

В сумерках белеет вдоль дороги стадо;
Голубей спугнула ночи поволока;
Правят легионы путь к воротам града,
В Рим ведут пленённых королей с Востока.

Смежены Цецильи влажные ресницы,
Взглядом отрешённым зрит иные дали;
Не слышны ни трубы, ни ночные птицы...

¹ Имеется в виду гробница Цецилии Метеллы, дочери Квинта Цецилия Метеллы Критского, древнеримского полководца, консула 69 г.

Ей века немые быть повсюду дали:
Красоте посмертной в мире нет границы...
Только взгляд остался где-то в дальней дали.

ОДИНОЧЕСТВО

Замерла река в ночном разливе,
Стыла, бела. Не слышать на склоне
Ни волны в камышовом затоне,
Ни шуршанья птах в плакучей иве.

Лишь, дрожа, рассеялись туманно
Две иль три звезды по небосводу,
Да глядит с холма в немую воду
Чёрный призрак леса-великана.

Вот блеснуло небо вспышкой длинной,
Чудный шум прошёл по запустению,
Запах лип разлился над долиной:
То душа ночной исчезла тенью...